

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕССИМИЗМ КАК ФОРМА ЗАСТОЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ «РЕКА ОККЕРВИЛЬ» ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

© 2011 Е.А.Сергеева

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 25.11.2010

В статье разработана проблема онтологического пессимизма как центрального умонастроения эпохи застоя и дано её отражение в творчестве одного из представителей так называемой «застойной» литературы. Автором рассматривается сборник рассказов Татьяны Толстой «Река Оккервиль». Пессимизм в структуре художественного мышления – это отрицание не только человеческой, но и всемирной жизни. Татьяна Толстая решительно описывает частные случаи советской действительности как проявления гуманитарной катастрофы. Её художественный метод соотносим с позицией Ясперса и Хайдеггера, в соответствии с которой человеку необходимо признать своё поражение, чтобы спастись.

Ключевые слова: онтологический пессимизм, застой, мотив, сборник рассказов, литература, философия, психология

Татьяна Толстая начала писать с 1983 года, и её сюжеты, как и становление рассказчицы, относятся к застойным временам, то есть к эпохе, когда не были возможны никакие перемены в политическом и духовном климате целой страны. Застой – это отдельный период в ряду гуманитарных катастроф, поразивших Россию: диктатура пролетариата, сталинская диктатура, Великая отечественная война и т.д. Культурное и психологическое наследие этих периодов сказывается в мироощущении современных поколений и самоопределении творческих личностей. Мы можем говорить о современной культуре как собирательнице прошлого опыта, который становится фундаментальным для развития нового искусства. Застой парадоксален тем, что в этот период тенденции, обычно свойственные отдельной личности в её интимном опыте, становятся типичными для всех советских граждан. Неудовлетворенные потребности отдельного человека приобрели обще-социальный и обще-духовный характер. Феномен «недостаточности» в философии исследовали два ряда философов, разделяя это понятие на два термина: нехватка (М.Хайдеггер¹, Ж.-П.Сартр², К.Ясперс³) и недостаточность (А.Гелен⁴, Х.Плесснер⁵, М.Бахтин⁶). У некоторых

исследователей речь идёт об «онтологическом пессимизме». Во-первых, это форма древнего религиозного опыта перед лицом осознанной «недостаточности» бытия. «Онтологический пессимизм» атеистической экзистенциальной философии (Ж.-П.Сартр: «Человек есть нехватка бытия») – это осознание практики «быть в недостаточности». Возможно, в советской практике одинаковое переживание «недостаточности бытия» приводило к всеобщему вытеснению проблемы, такое положение вещей казалось нормальным, поскольку касалось всех. Требовалось особое художественное осмысление проблемы, но прямые формы выражения пессимизма ограничивались советской цензурой.

В рассказах Татьяны Толстой нет попытки описать все пласты социального пессимизма. Её сюжеты формируются из личных воспоминаний, из частных историй. Персонажами её рассказов становятся знакомые с детства няни, состарившиеся актрисы, люди в основном пожилые. Действие разворачивается на дачах, в московских и петербургских гостиных. И хотя нет развернутой картины советской действительности и основ её сознания (как, например, у Андрея Платонова), формируется стабильная структура мышления, в которой человеческая судьба постепенно проявляет свою патологическую беспомощность и бессмысленность. Сборник «Река Оккервиль» открывается известным рассказом «Соня» и темой рассказа является затянувшаяся шутка с вымышленной любовью. Соня характеризуется рассказчицей как «дура»: «это её качество никто никогда не оспаривал, да теперь уж и некому»⁷. В отдельных взятых фразах с самого начала рассказа

⁰Сергеева Елена Александровна, соискатель кафедры русской, зарубежной литературы и методики их преподавания. E-mail: sergeeva28-shi@mail.ru

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В.Бибихина. – М.: 1997.

² Сартр Ж.-П. Стена: Избран. произвед. – М.: 1992.

³ Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л.О.Акопяна. – М.: 1997.

⁴ Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. – М.: 1988.

⁵ Плесснер Х. Ступени органического и человек // Там же.

⁶ Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 тт. – М.: 1996.

⁷ Толстая Т.Н. Соня // Толстая Т.Н. Река Оккервиль: Сб. рассказов. – М.: 1999. – С. 6.

задаётся тон законченного сюжета с плохим концом («плохой конец» – это один из ведущих мотивов творчества Татьяны Толстой, и мы говорим о мотиве, поскольку он не выражен в неожиданной пессимистичной развязке, а проявляется прямо с самого начала повествования и сквозит во всех сюжетах). Сонины наивность, «кристалл Сониной глупости»⁸ побуждают довольно несимпатичных персонажей устроить розыгрыш с любовным письмом, в итоге завязывается бурная переписка и длится до гибели Сони в ленинградскую блокаду. Любопытно, что повествователь находит в истории этой глупой, вымышленной любви какой-то личный интерес. Помимо этой «разыгранной» любви действительность рассказа не предполагает других – подлинных – историй ни у повествователя, ни у шутников. Повествователь просит у Ады Адольфовны (автора шутки) Сонины письма: «Письма, письма, отдайте мне Сонины письма! – Не слышу! – Слово «отдайте» она всегда плохо слышит, – раздраженно шипит жена внука, косясь на камею»⁹. Похоже, эти письма обретают функцию фетиша для повествователя, поскольку ответы Сони хранят подлинную любовь – благодаря шутке, она стала возможна. Эти письма символизируют возможность любви, поэтому в заключение рассказа появляется символ эмалевого голубка (Сониного подарка), которого «не берет огонь». В результате шутки появляется развернутая история подлинной верности и жертвенной любви. Стоит всё-таки заметить, что главная линия рассказа организует сюжет о гибели или бессмысленной жизни всех её участников. У этой истории не может быть развития после смерти Сони, больше бремени такой доверчивости никто вынести не способен. «Чуткий инструмент, Сонины душа улавливала, очевидно, тональность настроения общества, пригревшего её вчера, но, зазевавшись, не успевала перестроиться на сегодня»¹⁰. Мотив «вчерашнего настроения» (настроения, которое остаётся сегодня, несмотря на изменившуюся реальность) в этом рассказе проявляется так: Соня несёт в себе частицу дореволюционной, довольно условной, артистичной культуры и не перестраивается к сегодняшнему пессимизму. Но повествователь прекрасно понимает, что такое это «сегодня».

Пессимизм (от лат. *pessimis* – наихудший) – отрицательная оценка человеком не только своей частной, но и всемирной жизни. «Пессимизм – это вера в то, что в наисквернейшем из миров жизнь не стоит того, чтобы жить, чтобы утверждать ее» (М.Хайдеггер). В европейской культуре начиная с Нового времени пессимизм имплицитно или явно присутствует в нигилизме, фата-

лизме, материализме, циклизме, в ряде направлений экзистенциализма, в философии жизни и др. В христианстве пессимизм преодолевается в надежде и в радости от победы Христовой над грехом и смертью. Личный выбор проявляется прежде всего в вере, а не в знаниях, что и выразили в известных словах А.Швейцера («Мое знание пессимистично, но моя вера оптимистична») и Н.Бердяев («В серьезном пессимизме есть благоденствие»).

У Татьяны Толстой нет цели дойти до такой стадии серьезности. Если постараться определить какие-то возможности «спасения», например, искать в последующих рассказах отголосок Сониной любви (возможности любви), то примеры будут такими: «была у Женечки в жизни одна коротенькая, кривая, убогая любовь»¹¹; «Пожелай быть самой любимой». И мы пожелали. Но ничего из этого, конечно, не вышло»¹². Мы видим мир, у которого нет крепких оснований. Даже не в самых худших формах советской действительности – радостное детство, забота нянек, дачное лето, наличие в человеке фантазии – Т.Толстая показывает прогнившую сердцевину. Все эти тенденции были собраны в итоге в её главном произведении – романе-антиутопии «Кысь»¹³, где, так же как в романах Платонова и Замятина, исследуются корневые основы советского сознания как общественного феномена.

Социальный пессимизм, конечно же, не является только проявлением советского застоя: от Гесиода и до наших дней каждая эпоха считала себя наихудшей. Когда человек, не одушевленный интересом к чему-нибудь лучшему, незаконным образом обобщает и расширяет отрицательный результат своего опыта, то получается ложное утверждение, что сама жизнь, сам мир и само бытие есть зло. В рассказах Татьяны Толстой онтологический пессимизм проявляется в ряде формул, сопровождающих перипетию или кульминационную точку рассказа: «Прощай, розовый дворец, прощай мечта!.. и бог наш мертв, и храм его пуст»¹⁴; «Не всем в жизни счастье»¹⁵; «Игнатиев... чувствовал табачную горечь и знал, что в ней – правда»¹⁶; «по ошибке пришёл ты в этот мир! Уходи отсюда, он не для тебя!»¹⁷; «замочную скважину оплетет паучок, и ещё на сотню лет заснёт дом»¹⁸; «но утешение было фальшивым и слабым, ведь всё кончено, жизнь показала свой пустой лик»¹⁹. Пессимизм организует не

⁸ Толстая Т.Н. Там же.

⁹ Там же. – С. 14.

¹⁰ Там же. – С. 6.

¹¹ Толстая Т.Н. Самая любимая. Указ. соч. – С. 150.

¹² Там же. – С. 142.

¹³ Она же. Кысь: Роман. М.: 2000.

¹⁴ Она же. Факин. Указ. соч. – С. 217.

¹⁵ Она же. Охота на мамонта. Указ. соч. – С. 185.

¹⁶ Она же. Чистый лист. Указ. соч. – С. 164.

¹⁷ Она же. Ночь. Указ. соч. – С. 110.

¹⁸ Она же. Самая любимая. Указ. соч. – С. 162.

только повествование, это главная тональность сознания повествователя, он приобретает статус художественного сообщения.

В рассказе «Чистый лист» (антиутопии, подражающей центральной теме романа Замятина «Мы») герой имеет силы «хотеть быть здоровым»²⁰, но это не означает подлинного избавления, речь идёт об ампутации души, то есть оптимизм возможен только как результат частной операции, после которой человек становится груб, прямолинеен и весел, но больше не несёт в себе Живое. В социальной психологии оптимизм / пессимизм личности рассматривался главным образом как ее «врожденное» свойство или как результат первых этапов социализации (H. Cantil, J. Freedman). Социальные условия описывались психологами как одно из важнейших обстоятельств оптимизма не только на стадии социализации, но и при определении актуального состояния личности (E. Diener). В рамках психологической традиции оптимизм личности связывался не столько с предвидимым ею будущим и антиципацией, сколько с уровнем удовлетворенности человека актуальным благополучием и его общим позитивным или негативным восприятием жизни (N. M. Bradburn, A. H. Maslow). Пессимизм, фиксирующий не только отношение к нынешней ситуации, а ожидаемое будущее, в социологических исследованиях применялся крайне редко (Л. Кесельман, М. Мацкевич), но стал содержанием литературы застойного периода и особенно периода перестройки. Татьяна Толстая пишет и публикуется тогда, когда застой уже кончился, но содержание её творчества, осознанный и ставший метасюжетным «онтологический пессимизм» позволяют Борису Парамонову дать ей такую характеристику: «глубинно, сущностно — по крайней мере до сегодня — она осталась даже не советской, а именно застойной писательницей»²¹.

Анализируя рассказ «Река Оккервиль» исследователь замечает: «Застой становится движением вспять, наводнением, и в этом наводнении всплывают интересные культурные обломки, становящиеся самостоятельной ценностью»²².

Обратная сторона пессимистичного сюжета у Татьяны Толстой — это более широкая картина культурного и политического застоя. Онтологический пессимизм в искусстве приобретает форму незавершенного действия: надо дойти до дна, чтобы начинать подниматься. Похожим образом Юлиус Эвола объясняет центральную мысль философии Ясперса (философа, который вместе с Хайдеггером перестал описывать пессимизм, как край, приравняемый к смерти): «Решающим является то, каким образом человек переживает крушение (или провал, или поражение — Scheitern): либо оно остается сокрытым от него, чтобы затем окончательно сокрушить его, либо оно предстает пред ним без покровов, ставя его перед непреодолимыми границами собственного здесь-бытия»... Для Ясперса путь состоит именно в том, чтобы желать собственного поражения, крушения, что приблизительно соответствует евангельскому завету, говорящему о необходимости потерять собственную душу, чтобы спасти её»²³. В случае описываемой советской действительности искусство практически не имело внутренних возможностей для подлинного «взлёта», сначала необходимо было признать и осознать всю тяжесть сложившегося положения.

¹⁹ Толстая Т.Н. Огонь и пыль. Указ. соч. — С. 90.

²⁰ Она же. Чистый лист. Указ. соч. — С. 168.

²¹ Парамонов Б. Застой как культурная форма (О Т. Толстой) // Звезда. — 2000. — № 4. — С. 234.

²² Там же. — С. 238.

²³ Эвола Юлиус. Оседлать тигра. — М.: 2005. — С. 200.

ONTOLOGICAL PESSIMISM AS STAGNATION FORM IN COLLECTION OF T. TOLSTAYA'S STORIES «OKKERVILLE RIVER»

© 2011 E.A. Sergeeva^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article develops the problem of the ontological pessimism as a central frame of mind of «stagnation» epoch and gives its reflection in the creative work of a representative of the «stagnant» literature. The author analyzes the collection of stories «Okkerville river» of Tatyana Tolstaya. The pessimism in the structure of the artistic thought is the negation of the human and universal life. Tatyana Tolstaya describes resolutely the particular incidents of the soviet reality as the manifestations of the humanist disaster. The artistic method of Tatyana Tolstaya correlates with the attitude of Jaspers and Heidegger: a human must make a declaration of his defeat in order to save oneself.

Keywords: ontological pessimism, stagnation, motif, collection of stories, literature, philosophy, psychology.

^o Elena Alexandrovna Sergeeva, Degree-Seeker Student, the department of Russia and Foreign literature, Methodology of Teaching.
E-mail: sergeeva28-shii@mail.ru